

Эти воспоминания не требовали усилий, Му Яо помнил всё с предельной ясностью. Его наставник сейчас был перед ним как чистый лист бумаги, за исключением тех нескольких случаев с Суйинь.

Тогда Чэнь Цянь добровольно подчинился один раз, а во второй его похитили. Но оба раза он исчез, словно в тумане, и больше не подавал вестей.

Ши Чуань появился в тот период, и Му Яо лишь смутно знал о его существовании, не располагая подробностями. Это и стало корнем проблемы. Из разговора наставника с Ши Чуанем прошлой ночью ученик понял, что ситуация гораздо сложнее, чем он предполагал.

Раньше он думал, что похищение Чэнь Цяня связано с Фэн Ханем.

Глаза Му Яо потемнели, в их глубине мерцал неопиcуемый свет, но улыбка оставалась мягкой и учтивой.

Он был уверен, что его наставник не имел ни малейшего представления о таких местах, как публичные дома. Если бы не те годы, когда он, словно безумец, бродил по всем местам, где когда-либо бывал наставник, Му Яо никогда бы не осмелился утверждать это с такой уверенностью.

Чэнь Цянь действительно не знал о публичных домах, но он понимал значение фразы «деньги и плоть».

Его лицо изменилось.

— Он всё это время находился в таких местах? Его заставили... — тихий голос мужчины прозвучал почти незаметно, но Му Яо ясно увидел в его глазах жалость.

Это заставило его нахмуриться.

Чувство беспокойства и жалости, которое наставник испытывал к другим, всегда было сложным, как заноза в горле.

Чэнь Цянь, естественно, не замечал всех этих эмоций ученика.

— Похоже, он попал в непростую ситуацию, — Му Яо подавил невысказанные мысли и продолжил разговор в русле, заданном наставником. — Наставник, попробуйте эти пирожки с бараниной, они очень вкусные.

Тема сменилась резко, и Чэнь Цянь, увидев, как половину пирожка подносят к его губам, с неловкостью взял её палочками. Тот, кто устроил эту сцену, с улыбкой наблюдал за ним, что вызывало у наставника смесь досады и смеха.

Кстати, мальчик, который долгое время готовил закуски на маленькой кухне, ушёл вчера, и Чэнь Цянь немного скучал по его блюдам. Сяо Чу был очень послушным, иногда даже разговаривал с ним.

Чэнь Цянь открыл рот и откусил кусочек. Пирожок был слишком большим, даже после того, как его разделили. Наставник медленно пережёвывал, но прежде чем он успел проглотить, ученик забрал палочки и, не моргнув глазом, положил оставшуюся часть себе в рот.

Всё произошло так быстро, что Чэнь Цянь не успел остановить его. Его глаза расширились от

изумления, и он смотрел на ученика с явным замешательством и смущением.

Му Яо продолжал улыбаться, словно ничего не произошло. Но только он знал, как крепко сжал ладонь.

— Господин, Шан Чжэн просит аудиенции, кажется, дело срочное, — Цзюаньжун стоял на почтительном расстоянии, опустив голову и не глядя на них.

Идиллическая атмосфера была нарушена, но оба невольно вздохнули с облегчением.

Хорошо, что всё так закончилось, иначе было бы сложно найти выход из ситуации.

Му Яо внутренне упрекнул себя за свою наглость, но в то же время почувствовал лёгкую радость. Возможно, ответ был уже близок.

— Пусть войдёт, — произнёс Му Яо.

— Слушаюсь, господин, — Цзюаньжун быстро вышел, так и не подняв головы.

Шан Чжэн был приведён в Павильон Лotosового Корня Цзюаньжуном.

Солнце светило ярко, в павильоне тень падала только под деревьями и перед галереей. На каменных плитах кое-где пробивалась зелёная трава. Они сидели на каменных скамьях, и даже юный Шан Чжэн чувствовал необычную атмосферу в воздухе.

Чэнь Цянь посмотрел на мальчика:

— Подойди, садись.

Но Шан Чжэн не решался, бросая взгляд на Му Яо. Тот понимал, что сейчас нельзя идти против наставника.

— Подойди.

Мальчик медленно подошёл.

Он словно обрёл опору, и долго сдерживаемые чувства выплеснулись наружу. Его глаза, такие же изысканные, как у Му Яо, наполнились слезами. Он был взволнован и испуган, но, зная о своей заикании, попросил Цзюаньжуна принести бумагу и кисть.

Цзюаньжун, получив разрешение Му Яо, быстро принёс всё необходимое. Шан Чжэн, которому было всего около десяти лет, уже писал уверенно, с чёткими штрихами. Он писал быстро.

Ситуация была действительно серьёзной.

На бумаге было написано немного, но каждое слово било в цель:

В день весеннего равноденствия кто-то проник в усадьбу Му, напугав всех, но ничего не сделал.

Через два дня отец отправился в дом Лю на переговоры и больше не вернулся.

Той же ночью в усадьбу Му ворвалась группа таинственных людей, они забрали почти всех.

Кто-то указал на меня и сказал: «Оставьте его, чтобы он сообщил Му».

После этого я больше никогда их не видел. Перед уходом они заставили меня что-то съесть, и я потерял голос. На следующий день никто не узнавал меня, даже соседи.

Я больше не был собой.

В усадьбе Му поселились какие-то люди, но никто из них не был похож на меня.

Мальчик писал до конца, нажимая на кисть с такой силой, что казалось, она прорвёт бумагу. Его рука дрожала, а синяк на запястье становился всё более заметным. Капли слез падали на бумагу, растекаясь по чернилам.

Чэнь Цянь увидел слёзы, катившиеся по лицу мальчика, и его сердце сжалось от жалости.

Он невольно положил руку на спину мальчика, мягко поглаживая его.

— Всё будет хорошо.

Шан Чжэн поднял глаза, слёзы уже залили его лицо.

Одна ночь — и семья исчезла.

Только тот, кто пережил подобное, знает, насколько это больно.

Му Яо нахмурился. Он был эгоистичен: он беспокоился о семье Му, но не скорбел и не хотел, чтобы его наставник переживал из-за этого.

— Я понял, не волнуйся, дядя разберётся, они вернутся, — его голос был холодным, и можно было подумать, что он разгневан ситуацией и беспокоится о семье.

Шан Чжэн был уведён Цзюаньжуном.

Они остались сидеть рядом, оба потеряли аппетит.

— Попробуйте ещё немного супа, — Му Яо уговаривал наставника.

Чэнь Цянь не смог отказать и принял чашку супа с грибами и овощами, который подал ученик.

В молочно-белом бульоне плавали зелёные овощи и грибы разных цветов. Вкус был приятным, аромат, должно быть, насыщенным, но Чэнь Цянь не чувствовал его.

Странная атмосфера была нарушена, и наставник больше не хотел разбираться в происходящем. Он вспомнил о человеке, которого не видел два дня. Чжан Чжичэн.

— Чжан Чжичэн отсутствует? — При обычных обстоятельствах Чэнь Цянь не обратил бы внимания на такие детали. Но теперь всё изменилось, они договорились рассказывать друг другу всё.

— Я отправил его в Цзиньлин. Люди, которые уехали раньше, заметили что-то подозрительное, но не смогли выяснить причину, — теперь причина была известна. Когда Му Яо и Чэнь Цянь обсуждали эти темы, их выражения были серьёзными, без намёка на легкомыслие.

Чэнь Цянь кивнул в ответ.

Вскоре Му Яо ушёл, сказав, что у него есть дела. Чэнь Цянь уже понял, что его ученик

обладает значительной силой и влиянием, и махнул рукой, отпуская его.

Он получил правильный рецепт и начал думать о том, чего ещё не хватает. Например, о хорошо сделанной печи для лекарств, о ящике из нефрита, выложенном шёлком ледяного шелкопряда, и так далее.

Похоже, поездка в Цзиньлин была неизбежна, оставалось только ждать, когда Му Яо будет готов отправиться. Чэнь Цянь хотел как можно скорее приготовить лекарство, но время приёма ещё нужно было обдумать.

Любое сильнодействующее ядовитое вещество после приёма антидота может вызвать непредсказуемые побочные эффекты.

Чжан Чжицин был оставлен учеником в Павильоне Лotosового Корня, где всё было организовано с точностью часового механизма. Чэнь Цянь ещё не отдавал никаких приказов, но они уже были готовы к путешествию. Он мысленно восхищался их внимательностью, но сначала отправился в западный флигель проведать троих детей.

Лю У жил в наружной комнате, Сяо Жуань и Шан Чжэн — во внутренней. Ширма из бус разделяла пространство, а Ляньжун следовала за Чэнь Цянем, заботясь о нём.

Лю У был в хорошем состоянии, относился к Чэнь Цяню с уважением, проявляя почтительность, но не переступая границ. Чэнь Цянь казался холодным и недоступным, но странным образом никто из троих его не боялся. Убедившись, что с ними всё в порядке, он приказал служанкам хорошо заботиться о них и собирался уйти.

Дойдя до медного светильника служанок в наружной комнате, он остановился, глядя на каменные плиты во дворе, и снова задумался.

Хотя он не был членом семьи Ван, он никогда не стеснялся в их доме, словно пользуясь своим положением ученика, чтобы вести себя высокомерно.

Это вызывало у него беспокойство.

У Чэнь Цяня были деньги, конечно, не столько, сколько у целого клана Му, но они были заработаны во время его врачебной практики. Вспомнив об этом, он попросил Ляньжун принести бумагу и кисть и вернулся во внутреннюю комнату. Он хотел узнать больше о лекарстве, которое дали Шан Чжэну. Мальчик заикался, но смог сообщить несколько деталей.

В темноте он не разглядел цвет таблетки, но после того, как она попала в рот, он почувствовал горький вкус, а затем жгучую боль. Через три месяца он с трудом смог говорить.

Чэнь Цянь дал ему понять, что больше не нужно говорить. У него уже были некоторые мысли. Он взял кисть и написал рецепт.

Похоже, это был яд «Запрет голоса», который Цюй Цзун тщательно скрывал, не позволяя никому узнать о нём, но кто-то всё же узнал. У «Запрета голоса» есть противоядие, и в этом его уникальность. И это было намерением тех, кто дал яд. Они не хотели, чтобы мальчик полностью потерял речь.

Их замыслы были трудно понять.

<http://bllate.org/book/16807/1545695>